

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Когда я пришла в школу первый раз, то Маргарита, наша классная, позвала в учительскую Рыжего и велела ему отвести меня в класс. Мы шли с Рыжим по коридору, и я всю дорогу хотела с ним подружиться: перехватывала его взгляд и улыбалась ему. А он в ответ давился от хохота.

Конечно, у меня ведь дурацкая улыбка — до самых ушей. Поэтому и уши я тогда прятала под волосами.

Когда мы подошли к классу, Рыжий не выдержал, сорвался вперед, влетел в дверь и заорал:

«Ребята! У нас такая новенькая!..» — и зашелся хохотом.

Ну, после этого я застыла на месте. Можно сказать, одеревенела. Со мной так часто бывало.

Рыжий вылетел обратно, схватил меня за руку, втащил в класс и снова загоготал. И каждый на его месте сделал бы то же самое.

Может, я на его месте вообще умерла бы от хохота. Никто ведь не виноват, что я такая нескладная. Я и на Рыжего не обиделась и даже была ему благодарна, что он втащил меня.

Правда, как назло, я зацепилась ногой за дверь, врезалась в Рыжего, и мы оба рухнули на пол. Платье у меня задралось, портфель вылетел из рук.

Все, кто был в классе, окружили меня и с восторгом рассматривали. А я встала, и улыбочка снова растянула мой рот — не могу, когда меня в упор разглядывают.

Валька закричал:

«Рот до ушей, хоть завязочки пришей!»

Васильев засунул пальцы в рот, растянул губы, кричал страшные рожи и кричал:

«Я тоже так могу! У меня тоже рот до ушей, хоть завязочки пришей».

А Лохматый, давясь от смеха, спросил:

«Ты чья такая?»

«Бессольцева я... Лена». — И я снова по-дурачки улыбнулась.

Рыжий в восторге закричал:

«Ребята!.. Это же внучка Заплаточника!»

Ленка оборвала свой рассказ и покосилась на Николая Николаевича.

— Ты давай, давай, не смущайся, — сказал Николай Николаевич. — Я же тебе говорил, как я к этому отношусь. В высшей степени снисходительно и совсем не обижаюсь.

— Ну, а я-то об этом не знала, — продолжала Ленка. — И вообще про твое прозвище не знала... Ну, не была готова... «Мой дедушка, — говорю, — Заплаточник?.. За что вы его так прозвали?..»

«А чего плохого? — ответил Лохматый. — Меня, например, зовут Лохматый. Рыжего — Рыжий. А твоего деда — Заплаточник. Звучно?»

«Звучно», — согласилась я.

Я подумала, что они веселые и любят пошутить.

«Значит, вы хорошо знаете моего дедушку?» — спросила я.

«А как же, — сказал Лохматый. — Он у нас знаменитый».

«Да, да... очень знаменитый, — подхватил Валька. — Как-то в личной беседе я спросил твоего дедушку, почему он не держит собак. И знаешь, что он мне ответил? “Я, — говорит, — не держу собак, чтобы не пугать людей”».

Я обрадовалась:

«Вот, — говорю, — здорово».

И другие ребята тоже подхватили:

«Здорово, здорово!»

«Мы эти его слова всегда помним, — продолжал Валька, — когда яблоки в его саду... Ну, как это называется?..»

«Собираем», — подхватил Рыжий.

Все почему-то снова захохотали.

Ленка вдруг замолчала и посмотрела на Николая Николаевича.

— Вот дура какая, — сказала она. — Только сейчас поняла, что они надо мной смеялись. — Ленка вся вытянулась, тоненькая, узенькая. — Мне надо было тогда тебя защитить... дедушка!

— Ерунда, — ответил Николай Николаевич. — Мне даже нравилось, что они у меня яблоки таскали. Я за ними часто подглядывал. Они шустрили по саду, бегали пригнувшись, набивали яблоки за пазуху. У нас с ними была вроде как игра. Я делал вид, что не вижу их, а они с отчаянной храбростью таскали яблоки, можно сказать, рисковали жизнью, но знали, что им за это ничего не будет.

— Ты добрый! Я и тогда им ответила, что ты добрый.

А Попов сказал:

«Моя мамаша ему на пальто пришивала заплатки. Говорит: “Вы же отставной офицер. У вас пенсия. Вам неудобно с заплатками”. А он — это, значит, ты, дедушка: “У меня лишних денег нет”».

«Ну ты, Попов, даешь! — крикнул Рыжий. — Ты что же, думаешь, что он жадный?»

А Валька подхватил:

«Он жадный?! Он моей бабке за картину отвалил триста рублей. “Это, — говорит, — картина моего прапрапра...”»

Все развеселились и стали выдумывать, кто что мог:

«Бабушки!»

«Тетушки!»

И тут я стала хохотать. Правда, смешно, что они нашего прапрадедушку переделали в прабабушку и в пратетушку? — спросила Ленка у Николая Николаевича. — Хохоочу я и хохоочу, никак не могу остановиться. Я если хохоочу, то обо всем забываю. — Ленка неожиданно коротко рассмеялась, будто колокольчик

звякнул и упал в траву, и снова сжала губы. — Это раньше я обо всем забывала, — поправилась Ленка и с угрозой добавила: — А теперь... — Она замолчала.

Николай Николаевич терпеливо ждал продолжения ее рассказа. Он дал себе слово не перебивать ее. Да и самому ему хотелось разобраться во всей этой истории. И слушать Ленку было легко, потому что переливы ее голоса, выражение глаз, которые то затухали, как облитые водой горящие угли, то вновь пламенно и неожиданно вспыхивали, завораживали его.

За всю свою долгую жизнь Николай Николаевич не видел подобного лица. От него веяло таинственной силой времени, как будто оно пришло к нему через века. Он это ощущал остро и постоянно.

А может быть, это чувство возникло у него после появления в доме «Машки»?

— Вообще-то я никогда бы не кончила смеяться, если бы не Валька, — снова заговорила Ленка. — Ему было смешно, что ты купил у его бабки картину за триста рублей.

«Бабка, — говорит, — от радости чуть не померла. Думала, получит двадцатку, а он ей триста!..»

Валька подбежал к доске и нарисовал квадрат, не больше портфеля.

«Вот за такую махонькую картинку — три сотни! — визжал Валька. — А на картинке была нарисована обыкновенная тетка с буханкой».

— «Женщина с караваем хлеба», — строго и многозначительно вставил Николай Николаевич.

— Я-то знаю, ты не волнуйся, я-то знаю все твои картины, — оправдывалась Ленка и продолжала.

«И еще передай своему деду, — закричал горластый Валька, — что мы его поздравляем, что у него такая внучка... Ну точно как он!»

«Они с Заплаточником — два сапога пара!» — вставил Рыжий.

А я почему-то подхватила:

«Правильно, мы с дедушкой два сапога пара!»

Николай Николаевич совершенно отчетливо представил себе, как Ленка, вероятно от растерянности, выкрикнула эти слова. И, как бы радуясь им, она подпрыгнула на месте и завертела головой, как попугайчик, и уголки губ у нее закрутились вверх. Ему нравилась ее беспомощная и открытая улыбка. А для них это потеха — и только.

Лохматый так и крикнул:

«По-те-ха! Ну и потешная ты, Бессольцева Лена!»

А Рыжий, разумеется, подхватил:

«Не потешная она. А чучело!»

«Огородное!» — захлебнулся от восторга Валька.

Конечно, они стали хохотать над Ленкой, выкаблучиваясь каждый на свой лад.

Кто хватался за живот, кто дрыгал ногами, кто выкрикивал: «Ой, больше не могу!»

А Ленка, открытая душа, решила, что они просто веселились, что они смеялись над ее словами, над ее шуткой, а не над нею самою.

Ленка заметила, что Николай Николаевич как-то подозрительно притаился, словно его что-то не устраивало в ее рассказе.

— Дедушка, ты меня не слушаешь? — спросила она дрогнувшим голосом. — А почему?

Николай Николаевич смущенно поднял на нее глаза, не зная, как поступить, — и правду ему говорить не хотелось, чтобы лишний раз не огорчать Ленку, и врать было трудно.

— Не отвечай! — Ленку как молнией пронзило: она обо всем догадалась. — Тебе меня жалко стало? Да? Они надо мной смеялись? Да?.. Уже тогда? — Она жалобно улыбнулась: — Подумать только, а я не догадалась. Все приняла за чистую монету... Точно. Смеялись. Я вижу, вижу себя со стороны — ну просто я была какая-то дурочка... — И тихо добавила: — Правда, дурочка с мороза.

Вдруг она повернулась к Николаю Николаевичу всем корпусом, и он увидел ее большие печальные глаза.

— Дедушка! Милый! — Она схватила его за руку и поцеловала ее. — Прости меня!..

— За что? — не понял Николай Николаевич.

— За то, что я им верила, а они над тобой смеялись.

— Разве ты в этом виновата? — сказал Николай Николаевич. — Да и они не виноваты, что смеялись надо мной. Их можно только пожалеть и постараться им помочь.

— Может быть, ты их любишь? — Ленка с подозрением посмотрела на Николая Николаевича.

Тот ответил не сразу — помолчал, подумал, потом сказал:

— Конечно.

— И Вальку? — возмутилась Ленка. — И Рыжего, и Лохматого?!

— Каждого в отдельности — нет! — У Николая Николаевича от волнения перехватило горло, и он задохнулся. — А всех вместе — да, потому что они — люди!

— Если ты будешь психовать, — сказала Ленка, — то я перестану рассказывать.

— Да я не психую! — рассмеялся Николай Николаевич. — Подумаешь, даже задохнуться разок нельзя. А ты давай, давай дальше, я слушаю.

— Ну, в общем, когда Рыжий обозвал меня чучелом, — сказала Ленка, — то его кто-то сильно толкнул в спину... и я увидела впервые Димку Сомова... Знаешь, он меня сразу удивил. Глаза синие-синие, а волосы белые. И лицо строгое. И какой-то он весь таинственный, как «Уснувший мальчик».

А Рыжего он толкнул сильно, тот врезался в пузо верзилы Попова и бросился на Димку. Я хотела крикнуть, чтобы они не дрались из-за меня. Ну пусть я чучело, ну и что?.. Но они уже сцепились.

Я зажмурилась. Я всегда так делала, когда начиналась драка. Я же тебе главного не сказала: я раньше трусихой была. Когда пугалась, то у меня отнимались ноги и руки. Пошевелиться не могла, как неживая.

Только драки никакой не вышло. Я услышала спокойный голос Димки:

«Сам ты чучело, и не огородное, а обыкновенно-рыжее».

Я открыла глаза. Оказалось, Димка одной рукой скрутил Рыжего и держал его крепко. А тот и не думал вырываться, скорчил рожу и крикнул:

«Я обыкновенно-рыжее чучело!»

Над ним все стали смеяться, и он сам над собой смеялся громче всех. Да ты же его видел, дедушка! — сказала Ленка. — Правда, он смешной?.. Ну просто цирковой клоун — ему и парика не надо, он же от рождения рыжий!

В тот момент, когда мы смеялись над Рыжим, вбежала веселая Маргарита. В одной руке она держала классный журнал, а в другой — сверток в цветном полиэтиленовом мешочке.

«А, новенькая! — Она увидела меня. — Куда же тебя посадить?»

Она пошарила глазами по рядам парт... и забыла про меня, потому что девчонки обступили ее и спросили, правда ли, что она выходит замуж. Маргарита ответила, что правда, засияла от счастья, торопливо разорвала мешочек, вытащила коробку конфет, открыла и поставила на стол.

«От него?» — прошептала догадливая Шмакова.

«От него. — Маргарита еще больше расцвела. — Угощайтесь», — и сделала величественный жест рукой.

Все повскакали со своих мест и стали хватать эти конфеты и засовывать в рот. А Маргарита говорила:

«По одной! По одной! А то всем не хватит».

Я тоже схватила конфету.

А Шмакова сунула одну конфету в рот, а вторую отдала Димке. Ну и галдеж поднялся!

А девчонки забрасывали счастливую Маргариту вопросами:

«Маргарита Ивановна, а кто ваш муж?»

«А у вас есть его фотокарточка?»

«А он живет в Москве?»

И тут в дверях появилась Миронова.

Миронова у нас особенная: у нее очень сильная воля.

«Что вы тут шумите после звонка?» — спросила Миронова.

«Мы конфеты едим!» — крикнула Шмакова.

«Во время урока?» — ехидно заметила Миронова и прошла на свое место.

Шмакова протянула ей конфету:

«Возьми и успокойся. Сама опоздала и еще выставляется».

«Тихо! — сказала Маргарита. — Миронова права. По местам!»

И все пошли по своим местам, а про меня Маргарита так и не вспомнила, и я не знала, куда мне сесть, остановилась около Димки и уставилась на него. Ну, у меня привычка такая: если мне кто-нибудь нравится, то я смотрю на него, смотрю, хотя знаю, что

это неловко. Он на меня раз посмотрел, второй, а потом спросил, что мне надо.

А я ляпнула:

«У тебя место свободное?»

«Занято».

Ну, думаю, влипла, сейчас он начнет надо мной смеяться. А он вдруг улыбнулся и спросил:

«А что?»

«Хотела сесть к тебе, — ответила я, а так как он все еще продолжал улыбаться, то во мне какая-то храбрость появилась от его доброты, и я сказала: — Ты же меня спас».

По-моему, ему мои слова понравились, потому что он сказал:

«Ну что ж, сейчас попробуем. — И громко крикнул: — Шмакова, новенькая твое место хочет занять!»

Шмакова услышала Димкины слова и здорово рассердилась. Она посмотрела в нашу сторону, потом медленно направилась к нам. Она приближалась, приближалась, и я видела, как у нее в глазах прыгали злые огоньки. Тут я испугалась. Я ведь не хотела, если место занято. А Шмакова подошла к нам, смерила меня презрительным взглядом и отвернулась. Конечно, она же красавица! А я? — Ленка безнадежно махнула рукой.

— Ты тоже хоть куда! — посчитал своим долгом вмешаться Николай Николаевич.

— Да брось ты меня успокаивать, — возмутилась Ленка. — Она же настоящая красавица! Платье у нее

новенькое и сшито по фигуре. А у меня... какой-то маскировочный халат.

— Маскировочный халат?... — удивленно переспросил Николай Николаевич. — Это, пожалуй, моя вина. Я не учел, что платью должно быть по фигуре. Извини. — И почти выкрикнул: — Зато у тебя глаза вдохновенные! И сердце чистое. Это посильнее, чем платье по фигуре.

— Не хвали меня, пожалуйста, — сказала Ленка. — Я ведь плохая. Я на самом деле — предательница!.. Я это сейчас, сейчас поняла до самого доньшка.

Ленка замолчала. Николай Николаевич терпеливо ждал, когда она снова заговорит. В комнату в который раз ворвалась бесшабашная музыка: это все еще гуляли на дне рождения Димки Сомова. Они плясали, кричали, пели, а здесь, в доме у Бессольцевых, сидели два понурых человека, которые не знали, что им делать дальше и как им теперь жить.

— Ну, и что там произошло со Шмаковой? — преврал молчание Николай Николаевич.

— Со Шмаковой? — переспросила Ленка. — Ничего особенного не произошло — она уступила мне место. «Уступаю, — говорит, — тебе мое место с большим удовольствием. — И схватила портфель. — Мне, — говорит, — здесь надоело. Парта какая-то кособокая. И вообще я люблю перемену мест. Так что, Димочка, чао-какао! — А на прощание наконец посмотрела на меня, как будто только что заметила, презрительно фыркнула и тихо сказала: — Ну и чучело!»

Попов заорал, чтобы Шмакова села к нему, и та бросила ему портфель, а он его поймал, — вот с этого момента он стал ее рабом.

Тут Маргарита объявила, что наша школа едет на осенние каникулы на экскурсию в Москву.

«Значит, мы поедем вместе?» — выскочила догадливая Шмакова.

«Вместе, вместе. — Маргарита улыбнулась. — Так что берите у родителей деньги и приносите».

По этому поводу раздался такой вопль восторга, что Маргарита рассмеялась и зажала уши руками, чтобы не оглохнуть. Ну конечно же всем хотелось поехать на каникулы в Москву.

И я завопила, но потом осеклась, потому что Димка встретил это известие хладнокровно. А когда все замолчали, он вздохнул тяжело и сказал:

«Опять на родительские... Надоело».

«Что же ты предлагаешь? Не ездить в Москву?» — спросила Маргарита.

«Нет, он этого не предлагает, — вмешалась Мирнова. — Но он не знает, что он предлагает».

«Прекрасно он знает, — раздался ласковый голос Шмаковой. — Это он перед новенькой выставляется».

Все, конечно, тут же захихикали.

Маргарита одернула Шмакову, а я, если честно, была почему-то рада ее словам... Ну, в общем, не почему-то, а потому, что она сказала, что Димка передо мной выставляется.

А когда в классе снова наступила тишина, то Димка встал, победно оглядел ребят и сказал:

«Давайте на поездку заработаем сами!»

Тут меня словно подбросило, прямо не знаю почему. Я вскочила и заорала:

«Маргарита Ивановна! Маргарита Ивановна! Можно я скажу?»

Ох и видик у меня был, наверное, — восторженная дурочка. Но я о себе и не думала, у меня на душе было хорошо, и хотелось сказать всем что-нибудь необыкновенное.

«Мне дедушка много рассказывал про ваш город... У вас город особенный, старинный... Приедешь — навсегда останешься... Не променяешь ни на какие золотые горы. Правда здесь хорошо! И вы все такие хорошие! И предложение Сомова я поддерживаю!..» — Я улыбнулась Димке и наконец уселась.

«Ну, Сомов у нас, как всегда, молодец! — сказала Маргарита. — Мне его идея тоже очень понравилась... Конечно, вы уже взрослые ребята и вполне можете поработать, — продолжала она, — я вам, пожалуй, помогу. Только... не подведете?..»

Тут все закричали:

«Что вы, Маргарита Ивановна! Вы только договоритесь!»

«Мы будем работать дни и ночи!»

«С утра до утра!..»

И мы стали работать. Ходили в совхоз на сбор поздних огурцов и капусты. Ты не думай, мы не только

за деньги работали. Мы и бесплатно. Например, в детском саду. И городской сквер убирали... Правда, это не всем понравилось. Может быть, именно из-за этого у нас и началась ссора. Валька, к примеру, как только мы шли на бесплатную работу, всегда убегал. Один раз в воскресенье рано утром Маргарита привела нас в совхозный сад на уборку осенних яблок.

Все ребята пришли в резиновых сапогах, а я в туфлях — они сразу промокли от мокрой травы.

Димка заметил это, снял сапоги, протянул мне и сказал, чтобы я переобулась. Вот был моментик — он стоял босой на мокрой, холодной траве и протягивал мне сапоги с шерстяными носками. Я не решилась их взять.

Ребята окружили нас и открыли рты от удивления.

«Во Сомов дает!» — засмеялся Лохматый.

«Лыцарь!» — подхватил Валька.

«Львиное Сердце!» — вставил Рыжий и зашелся мелким смехом от собственного остроумия.

«Долго мы еще будем стоять и женихаться? — вдруг зло оборвала их Шмакова. — Мы пришли, кажется, работать. Ведь так, Димочка?..»

Кое-кто снова захихикал, а Димка не обратил на это никакого внимания, бросил мне сапоги и ушел.

Я натянула Димкины носки — они были еще теплые от его ног — и влезла в сапоги.

Знаешь, дедушка, как мне было весело! — Ленка рассмеялась. — Весело-весело! Может, оттого, что

Димка отдал мне сапоги? — Она хитро посмотрела на Николая Николаевича. — Нет, пожалуй, просто оттого, что в саду было очень красиво.

Второй раз за этот день Николай Николаевич услышал ее смех. Ему нравилось, что она забыла про то, что эти ребята прозвали ее чучелом, что бросила в него портфелем только за то, что он предложил ей вернуться в школу... Она все-все забыла и снова была счастливой.

А Ленка все еще смотрела куда-то вдаль, заглядывая в свое недавнее прошлое, которое ей явно было по душе.

Перед нею возникла чудная картина... Сад, увитый паутиной. Сотни кружевных гамаков, гамачков, подвесных дорог сплелись между яблонь, лежали в траве и накрывали кустарник.

Ребята разбежались по саду, и каждый кричал, что у него самая интересная паутина. Их голоса, наподобие птичьих, радостно и возбужденно звенели среди деревьев.

Потом все стали собирать яблоки. И Ленка собирала, а сама все время исподтишка следила за Димкой: как он ловко лазал по деревьям, как смело прыгал, как быстро пробегал из одного конца сада в другой в ослепительных красноватых лучах солнца.

Они работали до самого обеда. А в конце работы развели костер и пекли яблоки.

Рыжий — на спор — голыми руками вытаскивал из огня девчонкам печеные яблоки...

— А потом, дедушка, случилась странная-странная история. Помнишь, мы работали на фабрике детской игрушки?.. Ну, мы там из папье-маше клеили морды зверей.

Николай Николаевич кивнул.

— Так вот, тогда на фабрике я впервые поняла, что люди не все одинаковые. Да, да, не улыбайся. Я вдруг увидела, что то, что для меня хорошо, для Шмаковой, например, смешно, а для Мироновой просто глупо. Я должна была насторожиться, но я не обратила на это никакого внимания! — Выражение лица у нее было до крайности удивленное. — Ну, слушай дальше, что из этого вышло... — Ленка возбужденно вздохнула и продолжала: — Мы уже кончили работу. Я доклеила морду зайца, хотела для просушки поставить ее среди остальных на полку, которая тянулась вдоль стены, а потом передумала и примерила морду на себя.

В это время вернулся Димка — он ходил получать деньги за нашу работу, — ну и все, конечно, бросились на него:

«Ну как, получил?»

«Сколько?»

«Выкладывай! Не томи! Душа горит!»

Они его толкали, пытаясь влезть к нему в карман, приставали, канючили.

«Рыжий! Тащи копилку!» — закричал Димка, отбиваясь от наседавших ребят.

У нас в это время была уже копилка — такая здоровая зеленая кошка с дыркой в голове.

Рыжий поставил перед Димкой копилку... и началось!

Димка полез в карман, долго что-то там колдовал, наконец выхватил руку, помахал над головой красненькой десяткой и бросил ее в копилку.

«Свои!» — заорал Лохматый.

«Пять рублей!» — крикнул Димка и снова опустил их в копилку.

«Кровные!» — восхищался Рыжий.

«Трудовая копеечка!» — поддакнул ему Попов.

Димка поднял над головой еще десятку и помахал ею в воздухе.

Ленка показала, как Димка помахал деньгами. Ей не сиделось, она вскочила, каждая жилка на ее лице трепетала от восторга.

Он крикнул:

«Десятка!» — и бросил их в копилку.

«Ух!» — ухнули все хором.

Рыжий попросил у Димки, чтобы тот дал ему бросить монету в копилку. Димка дал ему рубль, и Рыжий бросил.

И тогда все закричали:

«И мне! И мне! И мне!»

И он всем давал, и все по очереди бросали.

А потом Димка протянул рубль мне и сказал:

«Брось и ты, заяц».

А я от радости, что он мне дал этот рубль, так схватила его, что он разорвался пополам — половинка осталась у Димки, половинка у меня.

«Вот разиня! — возмутился Валька. — Это же деньги. Их рвать не надо!»

Я испугалась и не знала, что делать. Но Димка, как всегда, пришел мне на помощь.

«Ничего, — успокоил он всех, — потом склеим. Бросай, заяц, обе половинки!»

Я бросила.

«И кончай работу! — приказал Димка. — Давайте халаты».

Ребята сняли халаты и побросали их Димке.

«А тебе, заяц, как самому храброму, я поручаю охрану этого замечательного сундука с драгоценностями», — сказал Димка, протянул мне копилку, а сам ушел относить халаты.

Я схватила копилку и закричала:

«Я храбрый заяц! Самый храбрый на свете заяц!»

Рыжий надел морду тигра и зарычал на меня:

«Ры-ы-ы!»

«Ой, не боюсь! Ой, не страшно!» — Я оттолкнула Рыжего.

А Шмакова нацепила морду лисицы и пропела тоненьким голоском:

«Зайка серенький, зайка беленький... Мы тебя перехитрим! Мы у тебя сундучок с драгоценностями отнимем!» — И она ущипнула меня.

Я не ожидала этого — мы ведь играли — и крикнула:

«Ты чего больно щиплешься?..»

«А если не больно, то зачем же щипаться!» — рассмеялась Шмакова.

А в это время другие ребята тоже нарядились в маски зверей, и меня уже плотным кольцом окружили морды волков, медведей, крокодилов. Они прыгали, рычали, наскакивали на меня и рвали из рук копилку. А какой-то медведь — по-моему, это был Попов — крикнул, как Шмакова:

«Зайка серенький, зайка беленький... Мы тебя перехитрим!»

Волк — Валька несколько раз сильно дернул меня за косу. А я испугалась по-настоящему, как будто меня окружали не люди, а настоящие звери.

«Не надо! Хватит!» — Я хотела снять маску, но у меня ничего не получалось, потому что они беспрерывно меня толкали.

«Попался, зайчишка!» — пропела Шмакова.

«Мы тебя, заяц, задерем!» — завопил Лохматый и крутнул меня.

«Ры-ы-ы!» — дурным голосом прорычал Рыжий.

«Димка-а-а!» — закричала я и грохнулась на пол, потому что у меня закружилась голова.

Димка вбежал и спросил, чего я кричу. А я ему ответила, что испугалась.

«Кого?» — не понял Димка.

«Всех... зверей», — ответила я.

«Подумаешь, и поиграть нельзя», — сказал Валька.

«Зайка серенький... Зайка беленький... Мы тебя задерем!» — хихикнула Шмакова. — «Какая нервная!»

«Чепуха!» — мрачно заявила Миронова. — «Просто кривляется. Пошли, ребята!..»

И вся компания удалилась вслед за Железной Кнопкой, вполне довольная собой.

А мне еще долго мерещилось, что Шмакова похожа на лису, Лохматый — на медведя, а Валька — на волка.

Мне было стыдно, что я так думала про ребят. Поэтому я догнала их на улице и всех угостила мороженым на свои деньги. И рассказала Шмаковой под честное слово свою тайну, что Димка похож на «Уснувшего мальчика».

Она была очень довольна, хохотала и клялась, что никому не скажет, но мне почему-то казалось, что голос у нее был похож на тот, когда она пела: «Зайка серенький, зайка беленький...» Шмакова — лиса. Настоящая. И я подумала, что зря ей все рассказала... Ну ты же ее видел, дедушка. Правда, она лиса? А я тогда и не знала, что есть люди — лисы, медведи, волки...

После я спросила у Димки:

«Ты меня осуждаешь, что я испугалась ребят на фабрике?»

«Что ты, — ответил он. — Испугаться каждый может».

Вот видишь, какой Димка был человек — добрый, — сказала Ленка. — А потом он себя еще отчаянным храбрецом показал. Было это так...

Мы возвращались с Димкой домой. И вдруг увидели Вальку. Он бежал трусцой нам навстречу, на поводке тянул собаку, маленькую такую, на кривых ногах и с большими лохматыми ушами.

Валька заметил нас и нырнул за угол. Димка бросился за ним, а я за Димкой. Валька прижался к стене и смотрел на нас какими-то странными глазами.

«Какая у тебя собака хорошая. — Я погладила ее. — Только что это ее так колотит? Заболела она, что ли?»

Валька не успел мне ответить, потому что Димка вцепился в него, вырвал собаку и выпустил.

«Мой поводок! — заорал Валька, вырываясь из Димкиных рук. — Петька!.. На помощь!»

Я не поняла, почему Димка так ошалел и почему Валька кричал «поводок» и звал на помощь какого-то Петьку.

Петька, старший брат Вальки, тут же появился. Он здоровый, ему скоро в армию. Я его сразу узнала, он шофер с уборочной машины.

А Валька, как увидел Петьку, заорал еще сильнее:

«Петька, он мою собаку с поводком упустил!»

Петька подтянул Димку к себе и вежливо сказал:

«Ты уж извини, дружок, но я должен сделать тебе больно. Ты сам заслужил».

И он так звезданул Димке по скуле, что тот пролетел мимо меня и шлепнулся на землю.

«Заработал? — захохотал Валька. — Знай наших».

«Всего доброго, дети», — сказал Петька.

Они ушли не оглядываясь. А я не бросилась за ними, не вступилась за Димку, не позвала на помощь. Вот стыдно!

Ленка посмотрела на Николая Николаевича.

— Я же тебе говорила, что раньше была трусихой. Это я теперь ничего не боюсь. Никогда больше не отступлю. Никог-да! Ни перед чем. А тогда я задрожала и подошла к Димке, когда Валька и Петька уже совсем скрылись.

Другой бы на месте Димки обиделся, а Димка нет.

«А я опять струсила», — созналась я.

«Ничего. Смелость — дело наживное. — Димка потер ушибленное место. — Я у него, подлеца, третью собаку отбиваю! Он их на живодерню поштучно за рублевку сдает».

«Ну и тип этот Валька! С тех пор как он на меня в волчьей морде напал там, на фабрике, он мне все время кажется волком», — призналась я Димке.

«Ну, это уж слишком», — ответил он.

«Волк он, волк, — крикнула я, — раз для него самое главное — деньги!»

«А Петька похлеще Вальки, — сказал Димка. — Рыбу на реке глушит».

«Жалко, — сказала я. — Я думала, вот стоит городок восемьсот лет, и все в нем хорошие... А Валька — живую жизнь своими руками на живодерню. Я про таких только читала. А ты, Димка... ты просто герой!»

Я правда думала, что он герой. А он смутился:

«Да брось ты!..»

«Нет, ты настоящий герой. Самый настоящий! — Потом вдруг набралась храбрости и спросила: — Можно, я буду с тобой дружить?..» — А сама даже испугалась собственной храбрости.

«Ну давай», — согласился Димка.

А я спросила его:

«На всю-всю жизнь?»

«Ну давай», — улыбнулся он.

От восторга я... — Ленка на мгновение замолчала, — ну, в общем, поцеловала его в щеку. Просто от восторга, что он герой и что он теперь будет моим самым надежным и близким другом.

Дедушка, я так тогда была рада! — Глаза у Ленки стали восторженными, голос громким. Она когда восторгалась чем-нибудь, то переставала стесняться, совсем не контролировала себя, и это ее свойство тоже очень нравилось Николаю Николаевичу. — А когда я его поцеловала, то и совсем не испугалась, а, представляешь себе, весело рассмеялась.

Он очень удивился:

«А это еще зачем?»

«Так женщины, — говорю, — раньше благодарили рыцарей. — Я веселая была в тот момент и даже забыла, что у меня “рот до ушей, хоть завязочки пришей”. — А ты, Димка, рыцарь, ты же спас от Вальки собаку и меня. И она сейчас, счастливая, рассказывает всем собакам города: “Ну и Сомов — молодец!”»

В это время у меня над ухом раздался свист и хохот.

Я оглянулась — перед нами стояли Петька и Валька. У них на поводке болтался тот же самый несчастный лопухий пес, которого спас Димка.

Оба, довольные, хохотали, что снова поймали несчастную собаку и к тому же подслушали наш разговор. Волки, волки, а не люди!

Я им прямо в лицо крикнула:

«Это нечестно!.. Подслушивать...»

«Барышня обиделась», — сказал Петька и сделал грустное лицо.

«А ты, лыцарь, не обиделся?» — спросил Валька у Димки и нахально толкнул его плечом. При Петьке он был большой храбрец.

А Димка как бросился на Вальку! Даже Петьки не испугался. Вот какой он был раньше! Только Петька перехватил его, поднял над землей, и Димка повис в воздухе, болтая ногами, — Петька ведь здоровый, на две головы выше Димки, — и процедил, ну почти пропел сладким голосом, как Шмакова:

«Давай, дружок, еще раз поцелуемся. — Захватил его лицо громадной ладонью, повертел голову, словно хотел ее отвинтить. Димка задыхался, потому что Петька закрыл ему ладонью рот и нос. — И прошу тебя, дружок, — пел он дальше, — не разглашай нашей маленькой тайны про эту собачку. Договорились?..»

«Договорились», — промычал Димка сквозь пальцы Петьки, стараясь разжать железные тиски его ладони.

«Ну, я рад, что ты все правильно понял!» — ухмыльнулся Петька.

И, волоча собаку под смех и выкрики Вальки, они снова ушли. А собака отчаянно упиралась, мотала головой и подымала пыль своими ушами. Мне ее так было жалко.

Димка покосился на меня, погрозил кулаком вслед братьям и крикнул — почему-то негромко: «У-у-у, Валька!.. Только сунься в школу!.. — А когда они отошли совсем далеко, он чуть прибавил голос: — Живодеры!»

А я сложила руки рупором, чтобы было громче слышно, и заорала:

«Жи-во-де-ры-ы-ы!»

Петька остановился и посмотрел в нашу сторону... Нас как ветром сдуло, потому что Димка схватил меня за руку и мы убежали. А я расхрабрилась и говорю:

«Правда, он услышал, как я кричала?»

«Услышал, — ответил Димка, — но понимаешь, с этим надо быть поосторожней. Мы что?.. А он — что?!»

«Он здоровый...» — вздохнула я.

«Значит, не надо лезть на рожон».

Дедушка, — сказала Ленка, — ты представляешь, какая я была дура. Представляешь?! Я ему поддакнула. И вообще я все время ему поддакивала!.. Я знаю теперь: поддакивать — это плохо...

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

